

Его узкие глаза мгновенно наполнились свирепостью: это бунгало было ее новым домом с Цзюнь Чулинем?

Цзюнь Чулинь держал ее в качестве скрытой любовницы?

Он вспомнил те времена, когда они встречались, он просил ее переехать на его виллу в Бангкоке, но она не согласилась, сетуя на то, что в их отношениях не останется новизны.

Но теперь она решила остаться с Чжун Чулинем в одном доме?

Эта проклятая женщина! Куда делась ее честность?!

Гу Мохан шел впереди в своих сверкающих кожаных туфлях, рука в его кармане покалывала. Он не мог скрыть свою убийственную ауру, ему хотелось просто ворваться и удавить ее за шею.

Даже если он погубит ее и себя, по крайней мере, они будут избавлены от эмоционального бремени.

Танг Моэр услышала его шаги, когда она рисовала, она быстро подняла голову и посмотрела в сторону Гу Мохана, улыбка озарила ее лицо, и она сказала сладким голосом: "Чэньи, ты вернулся?".

Гу Мохан вдруг замер, он видел ее улыбающиеся глаза, но зрачки были темными и пустыми.

Самым красивым в ней были ее глаза, они были ясными, полными жизни и очень соблазнительными. Казалось, что она могла передать слова через свои глаза, но сейчас, хотя ее глаза все еще были прекрасны, они были пустыми и пустыми.

Его зрачки быстро сузились, он медленно вытянул пальцы и помахал ими перед ее лицом.

Она никак не отреагировала.

Она не могла видеть его пальцы!

Сердце Гу Мохана громко стучало, а вены на лбу подергивались. Его красивые черты лица мгновенно напряглись и приняли расстроенный вид.

Она действительно... потеряла зрение.

Он не знал об этом.

У него не было ни малейшего представления.

Хм?

"Странно, неужели я ослышалась?" пробормотала про себя Танг Мо'эр, но она была уверена, что слышала звук шагов.

Протянув свои маленькие ручки к часам на журнальном столике, она провела пальцами по часовой стрелке.

Было уже семь часов вечера, почему Чени до сих пор не вернулся? Что-то случилось с ним?

Танг Моэр встала и протянула руки, чтобы ощупать пространство перед собой, вдруг перед ней

есть какие-то предметы. Ей очень не хотелось снова споткнуться и упасть. Однако все это было напрасно, так как она упала на ковер рядом с Гу Моханом.

Гу Мохан опустил глаза и посмотрел на девушку, которая упала рядом с ним. Нижняя часть ее платья задралась и открыла колени, его глаза расширились от шока.

Ее светлые колени были в царапинах и покраснели, он увидел, что на них было несколько ран, а новая плоть содрала струпья. Тем не менее, на это было... страшно смотреть. Как она получила такие травмы?

Когда она снова споткнулась, ее ясные глаза слезились от боли, и она жалобно надула свои красные губы. В этот момент она казалась такой хрупкой, такой беспомощной.

Она уперлась руками в ковер и с трудом поднялась.

"Чени". Спотыкаясь, она вышла на улицу.

Где был Чени?

Гу Мохан следовал за ней сзади, и холодный ночной ветерок развеивал ее свободное платье с легкой грацией, от которой у него перехватило дыхание. После двухдневной разлуки она еще больше похудела, и ее хрупкое тело было похоже на воздушного змея: казалось, что оно улетит при дуновении ветра.

Холодный ветерок ворвался в гостиную и растрепал бумаги на журнальном столике у его ног. Она нарисовала на бумагах человеческий портрет, слишком уродливый и неразличимый, и наклеила на него ярлык: "Мистер Гу".

Мистер Гу.

Ее мистер Гу.

Высокая фигура Гу Мохана мгновенно напряглась, длинные ресницы опустились вниз. Его тонкие губы сложились в равнодушную дугу.

Неужели она сделала все это только потому, что потеряла зрение и больше не могла видеть?

Она сказала, что причина их разрыва проста: она слишком устала, слишком измучена, чтобы больше заниматься его семьей. Он поверил ее словам, считая ее эгоистичной и непостоянной, злясь на нее за то, что она бросила его.

На самом деле она боялась стать его обузой.

Почему он не поверил в нее?

Яд любовного горошка подействовал быстрее и коварнее, чем он предполагал, он медленно открыл глаза, и они были полностью покрасневшими.

Как будто кто-то разорвал его сердце на две половинки, так было больно. Она потеряла зрение, и она была здесь одна, страдала в одиночестве. Разве страхи не поглотили ее?